

EDN: GBVHQY

УДК 621.311

Полузабытый нарком

(к 120-летию А. И. Леткова)

До настоящего времени в литературе о кадрах советской энергетики сохраняются необъяснимые информационные лакуны¹. Это относится не только к многомиллионной страте² «творцов тепла и света», но и к прославленному «генералитету» отрасли. Одному из достойнейших его представителей, Андрею Ивановичу Леткову, посвящён предлагаемый материал.

А. И. Летков родился 13(26) февраля 1903 г. в селе Озерки Саратовской губернии в семье сельского писаря. С детских лет он проявлял интерес к земледелию и выращиванию сельскохозяйственной продукции. На волне революционных событий благодаря крестьянскому происхождению и обретенной с помощью отца грамотности юноша прошёл обучение в Злобовском, Поповском и Тепловском садово-огороднических хозяйствах Саратовской губернии. Начало трудовой биографии молодого агрария восходит к 1921 г., когда на основании свидетельства о среднем сельскохозяйственном образовании его зачислили садоводом Качалинской агроартели. В 1922 г. Летков становится слушателем рабфака в г. Царицыне, а затем — студентом Саратовского сельскохозяйственного института. Уже тогда проявился интерес Леткова к технике и электричеству.

В 1926 г. происходит радикальная смена профиля учебно-трудовой деятельности молодого специалиста. В 1926 – 1930 гг. Летков — студент электротехнического факультета Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова [1].

Возможность перехода в один из старейших столичных вузов, бывший Коммерческий институт, переупрофилированный в начале 1920-х годов во вуз, определялась не только выявившейся

предрасположенностью Леткова к точным наукам, но и установками советской власти на увеличение числа технических вузов, а, главное, радикальную корректировку социального состава студенчества. Этот курс был юридически закреплён постановлением СНК от 2 августа 1918 г. «О преимущественном приёме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». В результате наличие выходцев из рабоче-крестьянской среды в студенческих аудиториях достигло в 1930 г. 75 % [2, с. 32].

Однако кампания 1920-х годов не разрешила в полной мере кадровую ситуацию. Уже в 1928 г. проблема формирования собственной инженерно-технической интеллигенции была обозначена как одна из важнейших для решения задач индустриализации. В докладе «Об итогах июльского пленума ЦК ВКП (б)» И. В. Сталин отмечал необходимость скорейшей смены старых специалистов новой технической интеллигенцией. В связи с этим высшими партийными органами было принято решение о значительном повышении затрат на образование новых кадров, приравняв их «по своему удельному весу к затратам на капитальное строительство промышленности, и добавочно выделять на эту статью более 40 млн. руб. ежегодно» [3, с. 216, 217].

Спустя три года руководитель страны вернулся к этому вопросу: «...мы не можем уже обходиться тем минимумом инженерно-технических и командных сил промышленности, которыми мы обходились ранее, — говорил он. <...> старых очагов формирования инженерно-технических и командных сил промышленности уже недостаточно, <...> необходимо создать целую сеть новых очагов — на Урале, в Сибири и Средней Азии. Нам нужно теперь обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами промышленности, если мы действительно думаем осуществить программу социалистической индустриализации СССР. <...> наша страна вступила в та-

Андрей Иванович Летков

кую фазу развития, когда **рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию**» [4, с. 68].

Помимо перечисленных причин, недостаток инженерных кадров, особенно в период первой пятилетки, был связан с ситуацией, сложившейся на почве реализации плана ГОЭЛРО. К началу 1929 г. стало ясно, что план выполнен лишь частично. Это привело к острой нехватке энергетических мощностей, тормозившей развитие всех отраслей промышленности, и, следовательно, необходимости решения задачи их экстренного восполнения. На девятый год действия плана ситуация с вводом новых генераций выглядела следующим образом: из тридцати запроектированных станций две были введены на запланированную мощность в срок: Волховская ГЭС и Шатурская ГРЭС; четыре станции функционировали лишь частично: «Красный Октябрь» (бывшая «Уткина Заводь»), Каширская, Кизеловская и Егоршинская; число строившихся станций составляло двенадцать и столько же было исключённых из списка как нерентабельных.

Требовался молниеносный рывок в области энергетического строительства. Его реализация осуществлялась по двум направлениям: увеличение чис-

¹ Лакуна — пропуск, пустое место, незаполненность. (Примеч. ред.)

² Страта — это большая группа людей, которая отличается от других своим положением в социальной структуре общества. (Примеч. ред.)

ленности запланированных к сооружению электростанций с тридцати до сорока и стремительный рост единичных мощностей генераций, вводимых в строй. Список станций, подлежащих возведению, пополнили Брянская, Осиновская, Ярославская, Дубровская, Зуевская, Бобриковская (позже Сталиногорская), Шахтинская, Чугуевская ТЭС, Гизельдонская и Баксанская ГЭС. Наиболее крупными для своего времени были Дубровская ГРЭС (200 мВт), Зуевская ГРЭС (150 мВт) и Бобриковская ГРЭС (100 мВт).

Кроме того, продолжение строительства генераций, запланированных прежде, предполагало рост их мощностей в разы. При этом отличие стартовых характеристик первых очередей первенцев электрификации от мощностных показателей вторых очередей этих же ТЭС выражалось во всех главных конструктивных и эксплуатационных решениях: технологических схемах, типах и характеристиках основного оборудования, архитектурно-строительных решениях, размерах и планировке производственных площадей, картах размещения вспомогательных служб и др. Общими оставались только адрес и название станции. В результате принятых мер суммарная установленная мощность всех электростанций выросла с 1905 мВт в 1928 г. до 4677 мВт в 1932 г., а мощность ТЭС увеличилась соответственно с 1784 мВт до 4173 мВт [5, с. 24].

Обрушившийся на энергетиков строительный вал поставил перед отраслью тяжелейшую проблему обеспечения кадрами. Неудивительно, что молодые специалисты-энергетики в условиях разворачивавшейся в стране индустриализации и совершаемого энергетического рывка оказались одними из наиболее востребованных. А. И. Летков, успешно окончивший институт по специальности «Тепловые электрические станции», отвечал всем социально-политическим требованиям времени, и это оказалось решающим для его последующего трудоустройства.

Важно, что одновременно с учёбой в институте будущий инженер-энергетик установил регулярные связи с Шахтинской ГРЭС, соединявшей в себе в этот период эксплуатационный и строительный режимы. Таким образом, он получил необходимую стартовую практику, а трудолюбие и профессиональные наклонности снижали расположение к нему коллектива станции. Её руководство вынашивало идею пополнения штата инженером-плехановцем электротехнического профиля. О степени кадрового дефицита и заинтересованности в зачислении Леткова в число работников станции свидетельствует должность, на которую был принят вчерашний студент, — «технический

Руководители Каширской ГРЭС. В центре директор М. Г. Первухин, справа от него главный инженер А. И. Летков. Середина 1930-х годов

координатор функционирования Шахтинской ГРЭС».

Отметим, что немалую роль в служебном продвижении А. И. Леткова сыграл субъективный фактор: весь его трудовой путь тесно переплетается с жизненным и творческим путём первого наркома энергетической отрасли страны, а затем заместителя председателя СНК М. Г. Первухина. Будущие руководители отрасли похожим образом начинали свой жизненный путь. Михаил Георгиевич Первухин вырос в семье рабочего-кузнеца в посёлке Юрюзань Златоустовского уезда, был одним из первых комсомольцев г. Златоуста, в 1919 г. в возрасте 15 лет вступил в РКП(б); с августа по октябрь 1919 г. входил в Комиссию по национализации брошенного имущества буржуазии; принимал участие в боях при подавлении антибольшевистского восстания во время гражданской войны на Южном Урале в 1920 г.; с января 1921 г. — член бюро Златоустовского уездного комитета комсомола; в 1922 г. — заместитель секретаря Златоустовского уездного комитета РКП(б). В 1922 г. Первухин был командирован в Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, который окончил в 1929 г. по специальности «Инженер-электрик» [6]. Почти одновременное окончание Летковым и Первухиным одного вуза сблизило будущих наркомов, и позже они уже всегда работали рядом.

На рубеже тридцатых годов страна превратилась в огромную строительную площадку. Лидировала энергетика. Везде сооружались новые электростанции, на действующих генерациях модернизировалось оборудование, вводились новые мощности. Карта строившихся энергетических объектов охватывала всю страну — Центр, Донбасс, Поволжье, Урал, Сибирь, Кавказ.

В результате Советский Союз по выработке электроэнергии в мировом масштабе переместился с 15 места в 1913 г. на третье в 1937 г.

Важнейшим фактором экспоненциального рывка энергетики был курс на форсированную подготовку специалистов, символом которой стала сталинская максима — «кадры решают всё». Перед специалистами энергетической отрасли зажгётся «зелёный свет» служебного роста. Это относилось и к М. Г. Первухину, и к А. И. Леткову. Успешно преодолевший стартовый инженерный экзамен на электростанциях Москвы и Сталинграда, Михаил Георгиевич в 1935 г. назначается главным инженером Каширской ГРЭС. Понимая необходимость наличия профессиональной команды, Первухин начинает «каширскую компанию» с подбора кадров. Его первым шагом стало приглашение А. И. Леткова на должность начальника электроцеха станции. Успехи «плехановцев» предопределили их быстрое должностное продвижение: в 1936 г. Первухин назначается директором КГЭС, а Летков сразу же занимает пост главного инженера. Далее служебный рост продолжился в формате разных территориально-производственных структур. М. Г. Первухин с февраля 1937 г. работает главным инженером Мосэнерго, а спустя пять месяцев, с июня того же года, возглавляет энергосистему столицы. Через три месяца, в середине 1937 г., он становится начальником Главэнерго НКТП. Причина стремительного управленческого взлёта молодого инженера заключалась в следственно-судебных событиях, происходивших в структурах Главэнерго НКТП и Мосэнерго.

Одновременно с М. Г. Первухиным до должности управляющего энергосистемой вырастает и А. И. Летков. Его

путь пролегал на юг Украинской ССР, в Запорожье, куда Андрей Иванович был назначен начальником Днепрэнерго — одной из крупнейших энергосистем страны. Здесь новый управляющий руководил проектированием, строительством, монтажом и вводом в эксплуатацию ЛЭП, соединившей Днепровскую сетевую структуру с Донецкой и Ростовской генерациями. Технологическая актуальность новой сетевой матрицы заключалась в возможности в периоды весеннего паводка передавать избыточную и дешёвую гидроэнергию в Донбасс, а зимой, когда уровень воды в Днепре снижался, тепловую электроэнергию Донбасса направлять в Днепровскую систему, т.е. осуществлять взаимовыгодную сезонную конвертацию электроэнергии.

Развитие энергетической сети требовало совершенствования отраслевого управления. Одним из первых шагов М. Г. Первухина в должности руководителя Главэнерго стало создание производственно-распределительных отделов (ПРО), призванное усилить оперативное управление энергетическими предприятиями. Отделы были наделены широкими полномочиями и стали предшественниками будущих главных управлений (главков). Производственно-распределительные отделы создавались в наиболее энергетически развитых регионах страны. Одним из них был Южный. По сложившейся практике Первухин, возглавив Главэнерго НКТП, назначает А. И. Леткова начальником Главюжэнерго, а на должность главного инженера рекомендует Д. Г. Жимерина, которого также хорошо знал и высоко ценил. Отметим, что к этому времени М. Г. Первухин поднялся ещё на две служебных ступеньки: в январе 1938 г. он был назначен заместителем наркома, а в июне 1938 г. — первым заместителем наркома Наркомтяжпрома.

В период второй пятилетки энергетическое строительство стремительно развивалось. Мощность всех электростанций по сравнению с 1932 г. увеличилась на 3558 тыс. кВт и достигла к концу 1937 г. 8235 тыс. кВт; рост энергетического потенциала составил 175,9 %. Производство электроэнергии возросло с 13,5 млрд кВт·ч в 1932 г. до 36,2 млрд кВт·ч в 1937 г., то есть увеличилось почти в 2,7 раза. Особенно быстрыми темпами развивалась теплофикация. Удельный вес ТЭЦ в общей мощности тепловых электростанций вырос с 11,4 % в 1932 г. до 19,0 % в 1937 г. Протяжённость ЛЭП 110 – 220 кВ за тот же период возросла с 9264 км до 15214 км [7, с. 52, 54, 64]. Такой рывок

был осуществлён при активном участии инженеров первой генерации, окончивших институты в самом конце 1920-х — начале 1930-х годов.

Значительный рост и усложнение электроэнергетической отрасли, разветвление её на ряд подотраслей, территориальное расширение показали необходимость создания независимого ведомства со статусом наркомата, непосредственно входящего в структуру Совнаркома. М. Г. Первухин последовательно и настойчиво отстаивал эту идею. 24 января 1939 г. по указанию И. В. Сталина на основе Главэнерго был образован Народный комиссариат электростанций и электропромышленности СССР.

С созданием нового наркомата на смену трёхступенчатой вертикали: Главэнерго — районное энергетическое управление (РЭУ), руководившее энергосистемами, — электростанция, пришла четырёхступенчатая: наркомат — главк — РЭУ — электростанция. Главкой нового ведомства был назначен М. Г. Первухин. Вскоре повысили в должности и А. И. Леткова: в апреле 1939 г. он становится заместителем наркома.

Последней предвоенной ступенью в должностном продвижении «энергетического тандема» стал 1940 г. В апреле назначенный заместителем председателя СНК М. Г. Первухин вышел в Политбюро ЦК ВКП(б) с инициативой разделения единого энергетического ведомства на Наркомат электростанций и Наркомат электропромышленности. Предложение было принято, и М. Г. Первухин передал эстафету управления энергетикой страны А. И. Леткову.

Деятельность нового наркома электростанций протекала в условиях системной подготовки к приближавшейся войне. Первым решением Леткова было проведение вынужденной корректировки принятых на XVIII съезде ВКП(б) главных положений энергетического развития, сформулированных в третьем пятилетнем плане: темпов роста выработки электроэнергии и ввода новых мощностей; эффективности и надёжности генераций; специфики развития энергомашиностроительной базы; территориальной привязки энергетических объектов с точки зрения отраслевой кооперации и вынужденного их перераспределения; формирования технологической инфраструктуры тыловых регионов и минимизации затрат на доставку и транспортировку топлива.

С целью реализации откорректированных программ на случай войны по предложению Леткова осуществлялась

стандартизация основного, т. е. турбинного и котельного, оборудования. В качестве стандартов для турбогенераторов были приняты мощностные характеристики в 6, 12, 25, 50 и 100 кВт. Для парогенераторов установили единый конструкционный формат производительностью пара 230 т/час, давлением 100 ата и температурой 510 °С. Передачу электроэнергии предусматривалось осуществлять при напряжениях 110, 154 и 220 кВ против использовавшихся прежде 70 кВ.

По предложению М. Г. Первухина, в качестве заместителя председателя СНК курировавшего энергетику и частично ВПК, Наркомату электростанций и лично А. И. Леткову предписывалось принять активное участие в профилактической подготовке народного хозяйства на случай начала войны. Предусматривалось создание мощной Урало-Сибирской топливно-энергетической базы, строительство восточнее Волги заводов-дублёров, развитие производств, базирующихся на использовании технологий двойного назначения, создание государственных стратегических мобилизационных резервов.

Наиболее трудоёмким и затратным для энергетиков решением руководства страны была переориентация отрасли на строительство и эксплуатацию маломощных генераций за счёт сокращения крупных станций. Новый концепт был закреплён в 1939 г. в решениях партии: «В строительстве тепловых электростанций перейти к небольшим и средним электростанциям в 25 тысяч киловатт и ниже» [8, с. 889]. В результате, если доля паровых турбин мощностью 24 – 50 тыс. кВт в балансе турбинного парка возросла с 26,1 % в 1937 г. до 37 % в 1940 г., то для турбоагрегатов мощностью 50 – 100 тыс. кВт тот же показатель снизился с 2,1 до 1,6 % [7, с. 61]. То есть стратегически необходимое решение в условиях приближавшейся войны было экономически ущербным, поскольку вело к снижению показателей эффективности функционирования как агрегатов, так и станций в целом. Потеря темпов мощностного роста компенсировалась увеличением численности генераций, ранее запланированных к введению. Последнее обстоятельство в условиях войны оказалось крайне огорчающим фактором для тыловых территорий, в первую очередь для Урала, куда стремительно прибывали эвакуированные из западных регионов страны энергетические объекты.

24 июня 1941 г., через день после нападения фашистской Германии на Советский Союз, был образован Совет по

Металлическая доска с горельефными изображениями народных комиссаров А. И. Леткова, Д. Г. Жимерина и памятным текстом. (г. Челябинск)

эвакуации при СНК. Первоначально его возглавил Л. М. Каганович, а с 16 июля — Н. М. Шверник. Вся текущая работа легла на плечи заместителей председателя совета А. Н. Косыгина (социально-культурный блок и лёгкая промышленность) и М. Г. Первухина (частично ВПК и энергетическая отрасль). Первым вопросом, поднятым Михаилом Георгиевичем перед советом, была судьба энергетических объектов. По его предложению руководителем эвакуационной компании в рамках отрасли был назначен первый заместитель наркома электростанций Д. Г. Жимерин; ответственным за функционирование перемещённых в тыл генераций, включая их экстренное размещение и запуск, — глава отрасли А. И. Летков.

С начала войны объём дел наркома резко возрос, одновременно обострились тревога и ответственность за отрасль. Кроме специально утверждённых Советом по эвакуации зон ответственности, А. И. Летков совместно с Д. Г. Жимериным в инициативном порядке возглавил работы по демонтажу и вывозу из прифронтовых районов оборудования таких крупных объектов, как Днепровская ГЭС, Зуевская и Куратовская ГРЭС, ТЭЦ Запорожстали и др. Лишь после окончания этих работ он отбыл в Челябинск, где с октября 1941 г. находился Наркомат электростанций, и погрузился в тяжелейшие проблемы энергетики военного тыла.

Трагизм складывавшейся в отрасли ситуации усугублялся стремительностью происходивших событий. Коллективами станций демонтировались и эвакуировались турбины, генераторы, трансформаторы, часть котельного и вспомогательного оборудования, арматура, приборы, кабели и т.д. Но про-

моздкие корпуса парогенераторов, как и кирпично-металлические каркасы зданий, ввиду быстрого продвижения врага и благостного самовнушения некоторых энергетиков о том, что «мы скоро вернёмся», остались нетронутыми. Важным результатом стремительной переброски энергетической техники стала территориальная привязка объектов к местам их нового размещения: оборудование и коллектив Северо-Донецкой ГРЭС были направлены на Березниковскую ТЭЦ, Шатурской ГРЭС — в Караганду, Зуевской ГРЭС — по частям в города Южного Урала и т. д. [9]

Решение Совета по эвакуации о назначении главы отрасли А. И. Леткова ответственным за перемещение, разгрузку, монтаж и запуск оборудования было подтверждено Государственным Комитетом Обороны (ГКО). При этом главный координационный орган страны поставил наркома в чрезвычайно трудное положение, установив крайний срок выполнения всех возложенных на него функций до 10 суток [9, с. 93]. Однако переброска оборудования сопровождалась неразберихой и отклонением от графика. При этом руководитель отрасли не имел административно-правовых оснований для воздействия на железнодорожные и городские службы.

Ввиду нараставшей нехватки грузового транспорта для эвакуации промышленных объектов имевшиеся ресурсы были разделены на общую и приоритетную группы. Приоритетный парк обслуживал наиболее значимые военно-промышленные ведомства: Наркомат танковой промышленности (В. А. Малышев), Наркомат боеприпасов (Б. Л. Ванников), Наркомат среднего машиностроения (С. А. Акопов), Наркомат электростанций (А. И. Летков), Наркомат строительства (С. З. Гинзбург). Список завершал Промбанк (управляющий В. Я. Гроссман). Энергетики имели приоритетное право на первоочередную транспортировку грузов. Но установленных ГКО нормативов загрузки эшелонов и транспортной сети не хватало на переброску объектов энергетической инфраструктуры, раскиданной от Мурманска до Северного Кавказа. Использование транспортных ресурсов других ведущих ведомств необходимо было согласовывать с ГКО, что неизменно вело к жёсткой полемике и неудовольствию коллег по СНК.

В специальном отчёте Челябинского обкома партии по итогам эвакуации народного хозяйства в столицу Южного Урала говорилось: «... по решению ГКО и Совета по эвакуации при СНК СССР

в Челябинскую область было эвакуировано 178 предприятий 12-ти союзных наркоматов. В указанное число предприятий входят как заводы, оборудование которых полностью эвакуировано, так и заводы, оборудование отдельных цехов которых прибыло в нашу область» [11, с. 63]³.

Из перебазированных предприятий большую часть составляли заводы тяжёлой индустрии: 54 завода чёрной металлургии, 21 предприятие танкового профиля, четыре предприятия авиационной промышленности, 10 заводов среднего машиностроения, 13 заводов Наркомата вооружения, 34 предприятия Наркомата электропромышленности и одно предприятие Наркомата химической промышленности. Из 154 перемещённых объектов 44 были восстановлены как самостоятельные, а 110 влились в состав действующих предприятий. Наибольшее число вновь образованных производств приходилось на оборонные наркоматы.

Челябинск под влиянием нахлынувшего хозяйственного вала в течение полугода полностью исчерпал возможности уплотнения и расширения. Это стало одной из главных причин прекращения в декабре 1941 г. демонтажа и эвакуации энергетического оборудования и концентрации трудовых ресурсов на отладке перемещённых мощностей и бесперебойном энергоснабжении потребителей, прежде всего оборонных предприятий [9, с. 93, 10]. Но инерционный механизм эвакуаций продолжал функционировать, и ситуация с каждым днём становилась всё тяжелее. Для размещения прибывавшего оборудования стали использоваться непроизводственные площади: церкви, театры, дома культуры, гаражи, подвалы, утеплённые землянки и др. При этом техника поступала некомплектно, с конструктивными утратами, повреждениями, отсутствием необходимой документации, хранилась ненадлежащим образом и частично приходила в негодность. В силу ухудшения охраны участились хищения, пожары, порча агрегатов, приборов, коммуникаций. Так, по штату Кировскому заводу полагалось содержать в охране 858 человек, а удалось найти 586 человек, в основном пожилых женщин [11, с. 65].

³ Главное внимание при изложении материала уделено Челябинску, поскольку в него эвакуировался Наркомат электростанций, превратив столицу Южного Урала в общесоюзный энергетический центр.

Я. И. Сокол, директор Челябинского металлургического завода (ЧМЗ), одной из главных промышленных структур, выделенных под размещение эвакуированного оборудования, вспоминал: «... Недалеко от жилых бараков расположились, если можно так выразиться, производственные помещения. Это — наскоро сколоченные деревянные сараи, в которых разместилось оборудование основных цехов заводов. Внутри них были установлены на шпальных клетках станки, ремонтировавшие отдельные детали. Уж очень несерьёзно звучали надписанные на сараях углём вывески: «доменный цех», «прокатный», «электросталеплавильный» [11, с. 64].

Сложнейшей для города проблемой стал стремительный рост численности населения за счёт эвакуировавшихся беженцев. Со 150 тыс. человек в сентябре 1941 г. она к концу декабря возросла до 450 тыс. человек, т.е. в три раза. Город не был готов к такому стремительному наплыву людей. Возможности подселения эвакуированных к местным жителям быстро сошли на нет. Предельно обострилась продовольственная ситуация, регулировавшаяся с начала войны карточной системой. Но главной проблемой оставалась эвакуация промышленности, её развёртывание и рост мощностного потенциала.

Руководство страны и местные власти пытались оперативно реагировать на огромные трудности, связанные с экстренной эвакуацией и размещением оборудования и коллективов промышленных предприятий, организацией их

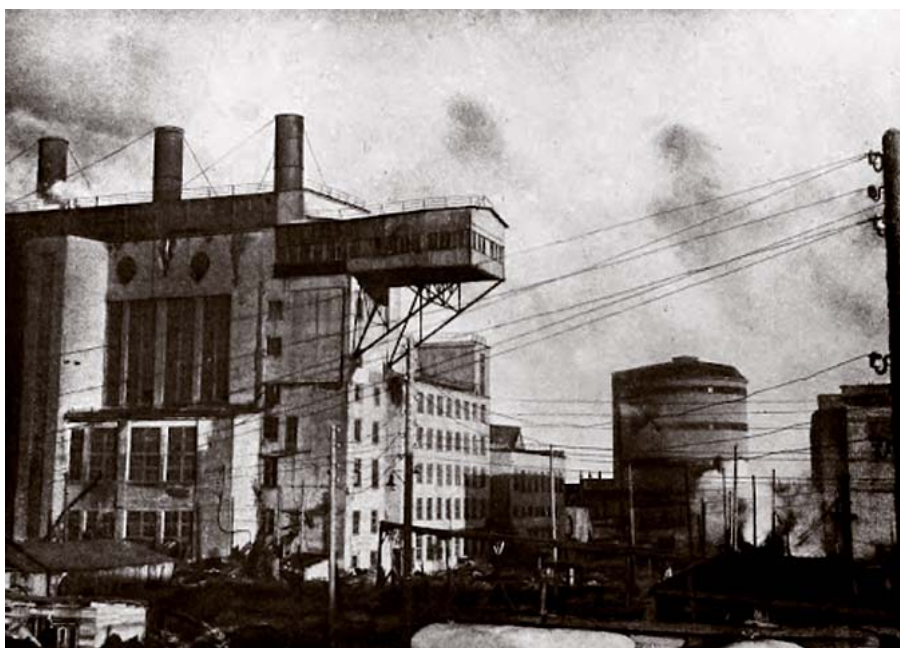
работы и быта. Примерами служат принятые сразу после начала эвакуации постановления СНК СССР от 11 сентября 1941 г. «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени» [12, с. 49], постановление СНК СССР от 13 сентября «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» [13, с. 50 – 52]. В первом из них говорилось: «1. Разрешить наркоматам и ведомствам во время войны при необходимости строить для основных и вспомогательных цехов промышленных предприятий здания временного типа с расчётом на сокращённые сроки эксплуатации в течение нескольких лет. 2. Обязать наркоматы и ведомства перейти в строительстве к широкому применению дерева и других местных материалов для несущих конструкций, покрытия зданий и сооружений. Применение металла и железобетона допускается лишь в тех случаях, когда применение других материалов технически недопустимо. Применение металлических конструкций допускать только при обязательном согласовании с Наркомстроем. 3. Запретить возведение зданий и пристроек для бытовых нужд за исключением горючих, вредных и взрывоопасных цехов...» [12, с. 49].

Размещение эвакуированного населения планировалось организовать путём индивидуального жилищного строительства, а главным образом развёртывания «...из местных стройматериалов строительство жилых помещений упрощённого типа — общежитий, бараков, казарм, полужемлянок...» [13,

с. 50]. Строительство финансировалось как за счёт средств, ассигнованных на эти цели по плану 1941 г., так и за счёт дополнительно выделенных 200 млн руб.

Сложнейшей проблемой стали установка и монтаж эвакуированного оборудования. Для энергетики не подходили принципы предвоенной стратегии промышленного развития. Ни модель двойного назначения, ни принцип дублирования, как, например, тракторо- и танкостроение, когда техника гусеничного хода позволила Сталинградскому, Таганрогскому, Харьковскому и Челябинскому заводам конвертировать схему гусеничного перемещения в условия военного времени, для энергетики технологически были невозможны. Кроме того, перемещение энергообъектов сопровождалось общими трудностями: аварии, бомбардировки, разгрузка и хранение под открытым небом, хищения и т. д. вынуждали ещё до монтажа и начала эксплуатации проводить переборку и доукомплектацию оборудования.

Всё перечисленное привело к нараставшему отставанию в выдаче электроэнергии потребителям, главным образом оборонным предприятиям, и постоянным нареканиям ГКО в адрес А. И. Леткова. Уральская энергосистема не справлялась со стремительно растущими нагрузками. К концу 1942 г. её мощностной ресурс в 723 тыс. кВт мог быть полностью исчерпан. В целях поиска решений по недопущению энергетического коллапса нарком собрал многодневный форум. В нём участвовали крупнейшие специалисты отрасли И. И. Дмитриев, И. И. Угорец, А. И. Дробышев, А. М. Маринов, И. И. Бондарев, Н. А. Роговин, С. И. Молоканов, Д. И. Ачкасов, С. П. Гончаров, К. Д. Лаврененко и др. Сам Летков, помимо прочего, предварительно объездил центры с развитыми энергогенерациями, такие как Белорецк, Березники, Златоуст, Казань, Карабаш, Касли, Кыштым, Магнитогорск, Молотов, Свердловск, Серов, Троицк, Уфалей и др. После консультаций с активом отрасли нарком ввиду чрезвычайности ситуации наметил два пути преодоления кризиса. Первый из них, исходивший из очевидного управленческого несоответствия объединения Уралэнерго обвалившемуся на него объёму требовавшейся электроэнергии, предполагал его разукрупнение на три более оперативных системы: Челябинэнерго (И. И. Бондарев), Свердловскэнерго (А. М. Маринов) и Пермьэнерго (А. П. Остинский). Для координации новых управлений был образован главк «Главуралэнерго» (И. И. Угорец).

Березниковская ТЭС

Второй путь сводился к более гибкому графику электроснабжения потребителей. Для оборонных производств предлагалось равномерно рассредоточить нагрузку по всему времени суток и ввести режим экономии электричества: часть технологических процессов перенести с вечера на ночь, оптимизировать производственное освещение, сократить число вхолостую работающих установок, например, компрессоров и т. д. Такие меры, по расчётам Леткова, должны были снизить нагрузку на энергосистему на 15 – 20 %. Предложения наркома были реализованы и дали ожидаемый технологический эффект.

Крайне тяжёлой была проблема оздоровления самого оборудования станций. Согласно нормативам эксплуатации оно должно периодически «отдыхать». Отсутствие необходимых пауз в функционировании и проведении обязательных профилактических ремонтов привело к ускорению износа оборудования и увеличению его аварийности. Для понимания ситуации, в которой работали станции, и какие нагрузки преодолевали энергетики, включая А. И. Леткова, приведём рассказ известного специалиста отрасли К. Д. Лаврененко: «...меня вызвали в Челябинск... в начале октября: в Наркомат стали поступать тревожные известия с Березниковской ТЭЦ. Станция снабжала паром и электроэнергией крупные оборонные предприятия. А. И. Летков направил меня в Березники разобраться в ситуации и наметить меры помощи в увеличении нагрузки. Ознакомившись с положением дел, я оценил обстановку как крайне тяжёлую. Осадка здания, построенного на насыпном грунте, привела к тому, что при разборке фланцев трубопроводов они расходились на 100 – 200 мм. Появились просадки фундаментов у пылевых мельниц. Положение ухудшалось с каждым днём из-за проникновения в грунт горячих дренажных вод; потери конденсата были очень большими. Котлы шлаковались фантастически — топки работали под давлением, зашлаковывались выше горелок и факелы пробивали тоннели в шлаке, заполнившем объёмы топок; пламя, выходящее из топок, разогревало каркасы котлов и создавало невероятно душную атмосферу в котельной: в кизеловском угле было много серы. Люди в котельном цехе ходили в противогазах. Зольное помещение было забито, чистить его не успевали, и здесь

постоянно держался густой влажный, пылевой туман. Испарения в котельном и турбинном цехах были так велики, что помещения скорее напоминали бани, чем производственные здания. Изоляцию электродвигателей, стоящих в резерве, перед пуском приходилось сушить. Руководство станции и работники цехов были измучены, чувствовалось, что они находятся на пределе человеческих возможностей... Прибыв в Челябинск, доложил Андрею Ивановичу, ничего не скрывая. Я видел волнение наркома: ведь станция обслуживала ответственную группу заводов. Он решил сам выехать в Березники и рассмотреть меры помощи на месте» [14, с. 40 – 41].

Бессонные ночи продолжались, силы были на пределе, большое сердце всё чаще напоминало о себе. Государственный Комитет Обороны и СНК ни на час не прекращали «телефонное руководство». Машина, на которой выехал в Березники А. И. Летков, часто буксовала. Дорогу не чистили. На середине пути у Андрея Ивановича усилились сердечные боли. Сопровождавший наркома начальник секретариата ведомства А. Н. Гагаринов предложил остановиться около небольшой деревушки Надыров мост. На воздухе Леткову стало лучше, но ненадолго. Получить хотя бы фельдшерскую помощь в обезлюденной деревне было невозможно — все на фронте. Решили продолжить путь. Андрею Ивановичу становилось все хуже. Боли усиливались. Начался тремор рук, побелела кожа. Летков впал в состояние комы. Через несколько минут Андрей Иванович скончался.

А. Н. Гагаринов сразу же связался с первым секретарем Челябинского обкома партии Н. С. Патоличевым и сообщил о трагедии. Машина развернулась и взяла курс обратно на Челябинск. Летков ушел из жизни 16 января 1942 года в возрасте 38 лет [15].

* * *

Наш долг восстановить припорошённую пеплом десятилетий память о светлом и скромном человеке, выдающемся специалисте и организаторе производства, всегда спешившем туда, где тяжело и опасно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Летков. URL: <https://www.polkrf.ru/articles/stalinskie-narkomy/andreiletkov-2666>.

2. Шмидт О. Ю. Высшие учебные заведения СССР // Большая советская энциклопедия. 1929. Т. 14. С. 31 – 41.

3. Сталин И. Сочинения. Т. 11. М.: Госполитиздат, 1949. 381 с.

4. Сталин И. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. 424 с.

5. Гвоздецкий В. Л., Будрейко Е. Н. Манифест о намерениях (К 100-летию плана ГОЭЛРО) // Социология науки и технологий. 2021. С. 7 – 33.

6. Первухин Михаил Георгиевич // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/domestic/history/text/2711627>.

7. Жимерин Д. Г. История электрификации СССР. М.: Соцэкгиз, 1962. 458 с.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. — М.: Госполитиздат, 1953.

9. Жимерин Д. Г. Советская энергетика в Великую Отечественную войну и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 91 – 93.

10. Кибиткина Г. Н. Перечень предприятий, эвакуированных в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. URL: <https://clck.ru/3DpnNg>.

11. Чуриков А. В. Эвакуированные предприятия тяжелой промышленности в экономической ситуации Челябинской области 1941 – 1946 годов // Великая Отечественная война и послевоенное время. История. Вып. 44. 2011. С. 63 – 67.

12. Постановление СНК СССР от 11.09.1941 г. «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941 – 1952 годы. — М.: Политиздат, 1968. С. 49.

13. Постановление СНК СССР от 11.09.1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941 – 1952 годы. — М.: Политиздат, 1968. С. 50 – 52.

14. Лаврененко К. Д. Вспоминая энергетику военных лет // Россия электрическая. Воспоминания старейших энергетиков. — М.: Энергия, 1980. С. 28 – 63.

15. Красная Звезда. № 15 (5079) 18 января 1942 г. С. 1

В. Л. ГВОЗДЕЦКИЙ, канд. техн. наук
Е. Н. БУДРЕЙКО, канд. хим. наук
Институт истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Москва
gvozdetskiy@inbox.ru